Шомахов Заур Хамидбиевич

СОЦИАЛЬНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ В КОНТЕКСТЕ ПОСТСОВЕТСКИХ МОДЕРНИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

Данная работа посвящена исследованию проблемы трансформации социальной структуры Кабардино-Балкарии на рубеже XX-XXI вв., в период, когда социально-экономический базис жизни социума переходил в принципиально новые условия. Анализируется степень воздействия радикальных рыночных реформ на социальную сферу республики. Отражена роль новых механизмов социальной адаптации и каналов мобильности в формировании стратификационного профиля общества.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2017/10-2/50.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 10(84) : в 2-х ч. Ч. 2. С. 193-197. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2017/10-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

Обобщая взгляды Платона и Аристотеля на феномен коррупции, отметим, что данные подходы в части анализа права и государства носят элитологический характер, и при рассмотрении коррупции в трудах данных авторов внимание уделяется исключительно коррумпированным «верхам», а укоренение коррупционных традиций и практик на «низовом» уровне остается нераскрытым.

Как и другие представители классического подхода к пониманию коррупции, Платон и Аристотель рассматривали ее как нарушение общепринятых норм справедливости, честности и добросовестности, а сам термин использовали преимущественно для характеристики морально-нравственного состояния общества. Можно говорить о том, что античные авторы придерживались онтологического дуализма, в котором мир чистой истины и добра противостоял низшему миру неопределенности и зла.

Вместе с тем именно для данных авторов характерен поворот от существовавшего понимания коррупции как индивидуального акта нарушения действующих социальных норм к практическим рекомендациям по созданию такого государственного порядка, при котором устраняются и сами коррупционные поступки, и даже истоки их возникновения. Безусловно, противодействие такому сложному и противоречивому явлению, как коррупция, требует формирования комплексного социально-философского подхода к его изучению, с учетом как морально-этических оценок, так и более сложных институциональных и структурных исследований.

Список источников

1. **Алакшина И. С.** Коррупция как элемент социальной действительности современного российского общества: дисс. … к. филос. н. Краснодар, 2005. 133 с.
2. **Аристотель.** Евдемова этика / пер. с древнегреч. Т. В. Васильевой, Т. А. Миллер, М. А. Солоповой. М., 2005. 448 с.
3. **Аристотель.** Никомахова этика // Аристотель. Сочинения: в 4-х т. / пер. с древнегреч.; общ. ред. А. И. Доватура. М.: Мысль, 1984. Т. 4. С. 53-293.
4. **Аристотель.** Политика // Аристотель. Сочинения: в 4-х т. / пер. с древнегреч.; общ. ред. А. И. Доватура. М.: Мысль, 1984. Т. 4. С. 376-644.
5. **Гегель Г. В. Ф.** Философия права / пер. с нем. М.: Мысль, 1990. 524 с.
6. **Лехин И. В., Петров Ф. Н.** Словарь иностранных слов. М., 1954. 854 с.
7. **Платон.** Государство. Законы. Политик / предисл. Е. И. Темнова. М.: Мысль, 1998. 798 с.

SOCIAL AND PHILOSOPHICAL INTERPRETATION OF CORRUPTION PHENOMENON IN PLATO'S AND ARISTOTLE'S WORKS

Tsyrendorzhieva Dari Shoibonovna, Doctor in Philosophy, Professor
Lugavtsov Konstantin Viktorovich
Buryat State University, Ulan-Ude
dari145@mail.ru; konstantin-21@mail.ru

The article discovers the views on corruption phenomenon of Plato and Aristotle – the major representatives of classical (ethical) approach to social and philosophical interpretation of this phenomenon. The author emphasizes that the mentioned thinkers understand corruption as a phenomenon violating the generally accepted norms of justice, honesty and good faith. The term "corruption" was used basically to characterize moral and ethical condition of the society and the dominating form of government.

Key words and phrases: Plato; Aristotle; corruption; morality; justice; state; administration; law.

УДК 94
Исторические науки и археология

Данная работа посвящена исследованию проблемы трансформации социальной структуры Кабардино-Балкарии на рубеже XX-XXI вв., в период, когда социально-экономический базис жизни социума переходил в принципиально новые условия. Анализируется степень воздействия радикальных рыночных реформ на социальную сферу республики. Отражена роль новых механизмов социальной адаптации и каналов мобильности в формировании стратификационного профиля общества.

Ключевые слова и фразы: трансформации; социум; социальная мобильность; стратификация; экономика; социальные группы; маргиналы; дифференциация.

Шомахов Заур Хамидбиевич
Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований, г. Нальчик
Shoma31@rambler.ru

СОЦИАЛЬНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ В КОНТЕКСТЕ ПОСТСОВЕТСКИХ МОДЕРНИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

Конец XX – начало XXI века для Кабардино-Балкарии стало временем радикальных изменений в механизмах структурирования социума, его экономических и социально-политических условий существования. С началом перестройки начинается процесс ломки сформированной структуры общества с дальнейшим его

переходом в стадию социальной деструкции, обусловленный распадом социалистической системы и шоковым встраиванием социума в систему либеральных ценностей и рыночных отношений.

Произошло кардинальное изменение доминантных критериев стратификации общества в КБР и, соответственно, формирование нового типа общества, значительно отличающегося по своим характеристикам от имевших место в советский социалистический период.

Социальная сфера неразрывно связана с экономикой, которая по своей сути представляет систему жизнеобеспечения общества, что требует анализа экономических процессов при исследовании проблемы социальных трансформаций.

В Кабардино-Балкарии 26 декабря 1991 г. вступило в силу постановление «О мерах по либерализации цен». Данное постановление и последовавший за ним «отпуск» цен в январе 1992 г. привели к небывалому росту цен и резкому падению уровня жизни населения.

4 августа 1992 г. была опубликована Концепция промышленной политики КБР, в соответствии с которой предполагалось осуществить четыре блока мер: 1) проведение гибкой налоговой политики с целью стабилизации финансового положения; 2) коренной сдвиг экономики в сторону потребительского сектора и сферы услуг; 3) изменение в соотношении структуры собственности в пользу частного сектора; 4) меры по государственной поддержке предприятий малого и среднего бизнеса, которые должны были являться основными двигателями радикальных реформ [4].

Данная Концепция разрабатывалась в течение 2,5 месяцев в различных министерствах и ведомствах России, совместно с группой специалистов из Кабардино-Балкарии. Основной целью Концепции было оказание помощи КБР в подъеме отраслей народного хозяйства, функционирующих на базе собственных ресурсов, коими были определены электроэнергетика, добыча полезных ископаемых, развитие курорта, туризма и альпинизма.

Однако итоги 1992 г. свидетельствовали о кризисной ситуации в экономике КБР: шло падение производства, сокращение капитальных вложений, имело место расстройство финансовой системы, рост инфляции, сопровождавшийся резким снижением уровня жизни широких слоев населения. Так, валовой продукт сократился за год на 1/3, платежеспособность предприятий упала до уровня 53%, рост цен на товары и услуги в 2 раза опережал рост денежных доходов. В промышленности объем производства сократился по сравнению с предыдущим годом на 32,5%, объем капитальных вложений − на 47,6%. В сельском хозяйстве произошло сокращение на 10-28% в зависимости от отрасли. Тяжелое финансовое положение республики стало причиной появления большой доли убыточных и нерентабельных предприятий (20% и 32% соответственно).

Стремительный рост цен вследствие их либерализации сказался на всех сферах жизни. В целом, по официальной статистике за 1992 год, цены на товары и услуги выросли в 26 раз, в 1993 году – в 9 раз, 1994 году – в 2,8 раза, в 1995 году – в 2,3 раза, а в целом за четыре года – более чем в 1500 раз. И только в 1996-1997 годах инфляционный рост цен был существенно снижен.

Однако от общего спада и высокой инфляции произошел переход экономики республики в фазу структурного кризиса. Финансовое положение многих предприятий оставалось сложным, отмечалось снижение их платежеспособности, рост задолженностей по платежам и выдаче средств на оплату труда. Убыточными оказались целые отрасли – сельское хозяйство, транспорт, торговля и общественное питание, заготовки, ЖКХ и др. [7].

Финансовый кризис (дефолт) 1998 г. стал для КБР особенно болезненным, так как предприятия республики не смогли быстро приспособиться к динамично меняющимся условиям, в то время как сфера малого бизнеса находилась фактически в зачаточном состоянии.

Официальные статистические данные за 1999 г. свидетельствовали об определенной стабилизации в реальном секторе экономики, о позитивных переменах на потребительском рынке. Вместе с тем сдерживающее влияние на экономику оказывали следующие факторы: значительное число убыточных предприятий, задолженности по зарплате и платежам, значительная дифференциация населения по уровню доходов [8].

На протяжении всех 1990-х годов возрастали показатели социального неблагополучия, рост заработной платы не был адекватен росту цен на все виды продукции и услуг. Устанавливавшийся минимум оплаты труда был в несколько раз ниже прожиточного минимума, тем самым не играл никакой роли для работающего человека, не выполнял свою конструктивную регулирующую функцию. Доля заработной платы в общей сумме доходов населения падала, тогда как доля доходов, полученных от собственности, подсобного хозяйства и предпринимательской деятельности, росла.

Особенно тревожным сигналом был тот факт, что заработная плата окончательно утратила свою связь и зависимость с результатами труда. Это выражалось в значительном падении покупательной способности зарплаты, в непропорциональной дифференциации официальных доходов между различными группами наемных работников и отраслями экономики. Так, в 2000 г. на долю 10% наиболее обеспеченного населения приходилось 25% денежных доходов, а на долю 10% наименее обеспеченного – 2,8% денежных доходов [9].

Значение заработной платы подрывалось и несвоевременностью выплаты, ставшей обыденным явлением на протяжении длительного времени.

Сложившаяся ситуация вынуждала широкие слои населения обращаться к нетрадиционным способам ее преодоления – перепродавать на рынках товары и услуги, подрабатывать в свободное от основной работы время ради увеличения дохода и т.п.

На протяжении всех 1990-х годов увеличивалась поляризация в распределении между «тонким слоем» богатых, основной массой населения и увеличивающимся слоем бедных.

В 1999 г. на коллегии Министерства труда и социального развития КБР было официально признано, что в республике за чертой бедности находится уже 64% населения [5].

Тяжелое положение в социальной сфере усугублялось стремительными темпами роста как официальной, так и скрытой безработицы.

Особенностью рынка труда в Кабардино-Балкарии являлась психологическая неготовность большей части населения признавать себя безработными, что проявлялось в значительной разнице между числом ставших на учет в службу занятости и незарегистрированными безработными. Сложившаяся ситуация остается определяющей в структуре безработицы в республике и сегодня, что отражается в мониторинге статистических служб.

Сравнительный анализ зарегистрированной и скрытой безработицы в КБР [3, с. 20]

Численность зарегистрированных безработных (в тыс. чел.)										
1995	1997	1998	1999	2000	2005	2006	2007	2008	2009	2010
9,8	10,2	9,0	6,4	7,5	37,7	32,9	30,1	23,7	19,0	12
Общая численность безработных по методологии МОТ (в тыс. чел.)										
1995	1997	1998	1999	2000	2005	2006	2007	2008	2009	2010
45,9	51,3	72	90,7	68,1	91,6	91,6	74,9	74,3	59,5	51,1

Одним из способов адаптации городского населения к трансформирующимся экономическим условиям стала практика вторичной занятости, причем часто люди с высоким уровнем образования и квалификации в свободное время устраивались на низкоквалифицированную работу.

В сельской же местности значительное количество семей, занимаясь работами в личном подсобном хозяйстве, имеют при этом официальный статус «безработных», хотя и получают довольно солидный доход [10, с. 257].

Кроме того, процветают иные виды неофициальных подработок, часто скрываемые людьми, что не дает возможности выявить истинный размер доходов людей, только исходя из их официального дохода, имеющегося в статистических сборниках, или из статуса «безработного» или «работающего».

Объем и структура денежных доходов населения КБР [3, с. 70]

	1995	**2000**	**2005**	**2007**	**2008**	**2010**
Денежные доходы всего (в процентах), в том числе:	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
доходы от предпринимательской деятельности	-	21,1	20,3	21,5	27,9	21,4
оплата труда	27,9	29,0	23,8	23,4	21,2	21,0
социальные выплаты	18,0	15,3	15,0	12,5	12,6	18,1
другие доходы	50,6	32,7	39,4	40,2	36,8	37,8

Как видно из таблицы, оплата труда в общей структуре доходов имеет устойчивую тенденцию к снижению, тогда как иные неофициальные доходы, хотя и снизили свою долю, но по прежнему составляют большую часть доходов домохозяйств республики.

Одни факторы, еще недавно влиявшие на социальную дифференциацию, постепенно утрачивали значение, другие трансформировались. Разделительные функции все больше переходили в те сферы, значение которых еще недавно искусственно нивелировалось: область доходов, объем собственности, предпринимательские способности, связи с зарубежными производителями.

Как следствие, в XXI в. общество республики вошло уже социально дифференцированным, с четко обозначенными границами социального положения различных групп. Застойная бедность стала образом жизни значительной части населения. Острой проблемой стала значительная поляризация основных социальных слоев общества, существенное расслоение групп по объему доходов и, соответственно, образу жизни. В силу этого имущественное неравенство становится проявлением и других общественных неравенств: территориальных, профессиональных, отраслевых и т.д.

Распределение общего объема денежных доходов населения КБР [3, с. 74]

	1995	**2000**	**2005**	**2007**	**2010**
Денежные доходы – всего процентов	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
по 20-процентным группам населения: первая (с наименьшими доходами)	9,4	7,3	6,8	6,3	6,2
вторая	14,1	12,2	11,6	11,2	11,0
третья	18,0	16,7	16,4	16,0	15,9
четвертая	23,1	23,1	23,0	22,9	22,9
пятая (с наивысшими доходами)	35,4	40,7	42,2	43,6	44,0
Коэффициент фондов (коэффициент дифференциации доходов) в разах	5,4	8,9	10,1	11,5	12,2

Разница в уровне доходов приобретает исключительно важное влияние на возможность реализации таких индикаторов социального продвижения, как образ жизни и тип потребления, развитие собственного бизнеса,

установление полезных социальных связей, служебная карьера и получение качественного образования. В силу этого дифференциация доходов образует основу социальной стратификации, во всяком случае в современной Кабардино-Балкарии. При этом необходимо отметить, что дифференциация доходов не единственный критерий степени расслоения общества. Тут следует оценивать и результаты перераспределения собственности, и доступ к общественным благам, в первую очередь к качественному образованию и здравоохранению, а также материальным и финансовым ресурсам и возможности самореализации.

Поэтому можно выделить три основные тенденции в изменении уровня жизни в КБР, это: 1) падение реальных доходов населения; 2) рост их дифференциации; 3) сокращение степени доступности институциональных общественных благ и услуг, предоставлявшихся в прошлом бесплатно, т.е. за счет государства. Это относится к здравоохранению, образованию, рекреационным ресурсам.

Таким образом, перевод экономики на рыночные рельсы способствовал массовой маргинализации населения республики, ликвидации советского среднего класса, в результате чего наиболее массовым по своему количеству стал слой бедноты. Однако именно формирование среднего класса обозначалось в качестве одной из целей радикальных экономических реформ. Он рассматривался в качестве устойчивой социальной общности людей, характеризуемых комплексом качеств, ориентированных на поддержание условий благоприятного политического и экономического режима.

На деле же, в условиях слабого развития институтов гражданского общества, большинство населения предпочитало использовать индивидуальные способы самозащиты, среди которых доминирует использование личных связей или решение проблем с использованием вознаграждений. А особенностью республиканских претендентов в средний класс является часто «теневой», официально не декларируемый и нигде не фиксируемый доход [1, с. 247].

Эти группы, естественно, вполне удовлетворены существующими порядками – несовершенством законов и коррупцией, при которых возможно получение нелегальных сверхдоходов, что вовсе не способствует тому, чтобы данная группа выполняла в обществе стабилизирующую функцию.

Необходимо отметить и то, что теория, согласно которой распоряжение собственностью включает и важнейший элемент – присвоение дохода от собственности в виде различных полезных эффектов, вполне нашла свое отражение в современном республиканском обществе.

Государственные органы, точнее представляющая их бюрократия, в силу переданных им, а в значительной степени и монополизированных ими полномочий получают «теневые» доходы от разных видов социальной деятельности, аккумулируют их, распоряжаются ими и, как следствие, обретают власть над собственностью, формально не принадлежащей им, но фактически находящейся в их распоряжении [6, с. 94].

Динамика численности работников государственного управления (в процентах от общего числа занятого населения) [3, с. 57]

Годы	1990	1995	1997	1998	2000	2002	2005	2007	2009	2011
%	2,7	2,7	5,0	5,8	4,6	5,5	5,6	6,1	7,6	7,9

Как следствие, важным и весьма многочисленным элементом социальной структуры стало чиновничество как совокупность определенных общностей и групп со своими специфическими ценностями, потребностями и интересами. Роль бюрократии как наиболее устойчивой группы в этой системе социальных субъектов стала в современной Кабардино-Балкарии самодостаточной.

В итоге на этом этапе развития республики именно корпоративные признаки формообразования можно обозначить как наиболее устойчивые.

В республиканском обществе профессиональная стратификация в значительной степени стала терять свою первостепенность в определении социального статуса и престижа, поскольку вознаграждения за нее были крайне непропорциональны и не соотносились как со степенью социальной роли профессии, так и с достигнутым уровнем квалификации. Профессионализм не находил адекватной оценки, поскольку вновь открывшиеся и потому «дефицитные» в кадровом отношении сферы (политика, управление, финансы) были заполнены большим количеством людей, получивших вакансии через «неформальные» рычаги и каналы, деятельность которых изменила оценочные стандарты должного качества; а преобразование структуры общественных приоритетов привело к тому, что целые профессиональные страты, например учителя или работники учреждений культуры, оказались на «дне» социальной шкалы.

Образовательный ценз всегда являлся одним из базовых показателей принадлежности человека к определенному классу. На протяжении всех 1990-х и первого десятилетия 2000-х гг. в КБР прослеживалась тенденция к повышению образовательного уровня жителей, особенно специалистов с высшим образованием.

Общая численность выпущенных специалистов из образовательных учреждений высшего профессионального образования (тыс. человек) [2, с. 122]

1990	1995	2000	2005	2007	2008	2009	2010
1,7	2,0	2,6	4,7	5,0	5,1	5,8	5,7

При этом повышение уровня образования населения республики, рост количества принимаемых на обучение студентов не имели следствием появление новых рабочих мест и, следовательно, обострили проблему безработицы. Нормой для республики стали невостребованность «дипломов» и отток специалистов за пределы КБР.

Парадоксальная ситуация на рынке труда КБР свидетельствовала о том, что людям с низким уровнем образования в существующих условиях было легче найти работу, чем высококвалифицированным специалистам. Во многом это объясняется произошедшей деиндустриализацией экономики республики и ее переходом из индустриально-аграрного типа в торгово-аграрный.

Занятость по секторам экономики КБР (в процентах от общего числа занятых) [3, с. 64]

Всего занято	1990	1995	1998	2002	2005	2009	2011
Промышленность	29,6	21,9	21,4	21,0	17,9	16,1	15,5
Строительство	10,0	9,0	7,5	5,2	5,4	5,3	5,1
Сельское хозяйство	16,2	16,6	13,3	26,4	21,8	21,3	21,3
Непроизводственные сферы обслуживания населения	44,2	52,5	57,8	47,4	54,9	57,3	58,7

Существенное, почти в два раза, снижение доли рабочих и инженерно-технических работников в структуре экономики объясняется тем, что в республике практически не осталось высокотехнологичных предприятий, где возможно применение труда специалистов высокой квалификации.

Как результат, на сегодняшний день в КБР не наблюдается жесткой связи между уровнем образования и уровнем доходов, то есть в республике образование не гарантирует получения перспективной работы, а работа не является гарантом высокого стабильного дохода.

При оценке процессов стратификации в обозначенный период можно констатировать, что они приобрели для жителей республики социально- и культурно-деформированный характер и характеризовались как положительными, так и негативными тенденциями. Происходило масштабное перемещение работников из государственного в негосударственный сектор занятости. В рамках новой модели экономики наблюдался ряд деструктивных процессов, связанный с полным разрушением или значительным нивелированием советских социальных лифтов и консолидирующих общество механизмов, проявившихся в резкой поляризации и маргинализации общества, падении авторитета массовых интеллектуальных профессий и снижении мотивационного потенциала образования.

С другой стороны, наблюдаются процессы интенсификации социальной мобильности: освоение новых профессий, смена вида и сферы трудовой деятельности, приобретение качественно иного опыта и знаний, изменение ценностных ориентаций. Общество республики пусть вынужденно и медленно, но приспосабливается к новым реалиям, заменяя приоритет патерналистских ожиданий в массовом сознании на более активную модель адаптации и самореализации.

Список источников

1. **Боров А. Х.** Северный Кавказ в российском цивилизационном процессе. Нальчик, 2007. 297 с.
2. **Кабардино-Балкария в цифрах.** Нальчик, 2011. 321 с.
3. **Кабардино-Балкария в цифрах.** Нальчик, 2012. 340 с.
4. **Концепция промышленной политики правительства КБР** // Кабардино-Балкарская правда. 1992. 4 августа.
5. **Многие еще за чертой бедности** // Кабардино-Балкарская правда. 1999. 27 июля.
6. **Мостовая И. В.** Российское общество: социальная стратификация и мобильность. Ростов-на-Дону, 1995. 134 с.
7. **Рост экономики возможен только в условиях финансовой стабилизации** // Кабардино-Балкарская правда. 1995. 16 мая.
8. **Социально-экономическое положение КБР в 1999 г.** // Кабардино-Балкарская правда. 2000. 8 февраля.
9. **Социально-экономическое положение КБР в 2000 г.** // Кабардино-Балкарская правда. 2001. 20 февраля.
10. **Такова А. Н.** Социально-политические и этноконфессиональные процессы в современной Кабардино-Балкарии // Современные этнополитические и этноконфессиональные процессы на Северном Кавказе: проблемы и пути решения: материалы конференции. Пятигорск, 2008. С. 251-263.

SOCIAL TRANSFORMATIONS IN KABARDINO-BALKARIA IN THE CONTEXT OF POST-SOVIET MODERNIZATION PROCESSES

Shomakhov Zaur Khamidbievich
Kabardino-Balkarian Institute of Humanities Researches, Nalchik
Shoma31@rambler.ru

This work is devoted to studying the problem of the social structure transformation of Kabardino-Balkaria at the turn of the XX and XXI centuries, at the time when the socio-economic basis of the socium life was passing to fundamentally new conditions. The degree of influence of radical market reforms on the social sphere of the republic is analyzed. The role of new mechanisms of social adaptation and mobility channels in the formation of the stratification profile of the society is reflected.

Key words and phrases: transformations; socium; social mobility; stratification; economics; social groups; marginal men; differentiation.